

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодан С. В. Устав о сибирских городских казаках 1822 г. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 103.
2. Полное собрание законов Российской империи – 1. Т. 37. № 29131.
3. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Иркутск: Восточно-Сибирский отдел ИРГО, 1883. С. 440.

Д. В. Филипчук

ИДЕЙНЫЕ ПОИСКИ КАЗАЧЬЕЙ ЭМИГРАЦИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920–1930-е гг.)

Говоря о происхождении русского коллаборационизма в годы Второй Мировой войны, нельзя не отметить огромный потенциал русской эмиграции, в том числе, казачьей, особенно той ее части, которая жаждала реванша за поражение в Гражданской войне. Для нее не было большой разницы, кому помогать в будущей войне с ненавистным коммунистическим режимом. «Хоть с чертом, но против большевиков!», — этот лозунг прочно обосновался в головах самой непримиримой части белого рассеяния.

Такая позиция казачьей эмиграции легко объяснима. История казачества в российской эмиграции имеет свою специфику, которая обусловлена той своеобразной ролью, которую играло казачество в годы Гражданской войны в России. Позиции казаков в период противостояния 1917–20-х гг., в свою очередь, уходит корнями в историю взаимоотношений с центральной властью в России. Они складывались в течение нескольких веков и носили двойственный характер. Власть поощряла развитие казачьей колонизации на границах государства, где шла непрерывная война. Власть мирилась с особенностями казачьего военно-земледельческого быта и допускала большую или меньшую независимость казаков.

События 1917 г. были восприняты многими представителями казачества как банкротство российской государственности. После получения известия об отречении Николая II от Престола, среди казаков появилось и все более усиливалось стремление к созданию обособленных

от центральной власти казачьих организаций. В течение 1917 г. повсеместно возникали казачьи правительства, выборные атаманы и представительные учреждения: Круги и Рады. Их компетенция расширялась в зависимости от ослабления авторитета и власти Временного правительства.

У казаков появилось стремление самим обеспечить себе максимум независимости, чтобы поставить будущее Учредительное собрание перед свершившимся фактом. Наблюдалась постепенная эволюция идеи казачьей независимости — от создания областного самоуправления к созданию автономии, федерации и конфедерации. Все чаще высказывалось намерение сформировать самостоятельную казачью армию. Эти тенденции значительно усилились после захвата власти большевиками в Петрограде и Москве, после разгона ими Учредительного собрания и подписания сепаратного мира с немцами.

Казачество стало одной из первых сил, вставших на путь открытой вооруженной борьбы с Советской властью. На огромном пространстве от Дона, Кубани и Терека и до Тихоокеанского побережья казаки участвовали в гражданской войне, отстаивая, в первую очередь, свои традиции, свой уклад жизни и мировоззрение. Очень часто цели казачьего руководства в лице атаманов шли вразрез с политикой Белых правительств. Достаточно вспомнить конфликт командующего Вооруженными силами Юга России генерала А. И. Деникина и атамана Донского войска П. Н. Краснова, Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и атамана Г. В. Семенова.

После окончания Гражданской войны в европейской части России, апофеозом которой стали Новороссийская и Крымская эвакуации Белых армий, огромная масса казачества оказалась в вынужденной эмиграции. Казаки разделили горечь изгнания с тысячами чинов Русской армии генерала Врангеля и гражданских беженцев.

В начале 1920-х гг. постепенно формируются очаги русской казачьей эмиграции. После ужасов Галлиполи большая часть нашла пристанище в славянских странах Европы — Болгарии, Югославии, Чехословакии, откуда началось расселение эмигрантов по всем европейским странам. Европа стала первым пристанищем для большинства казаков-эмигрантов Терского, Донского, Кубанского войск.

В восточной части бывшей Российской империи дело обстояло куда серьезнее. Здесь противостояние сторонников новой и старой власти растянулось до 1922 г. Лишь в конце 1922 г. Красной армии удалось сломить сопротивление остатков белых на Дальнем Востоке. Центрами

русской и казачьей эмиграции почти на четверть века стали Манчжурия и Китай.

Казакам, как наиболее сплоченной части русской эмиграции, удалось в большей степени сохранить свой особый мир, свою войсковую организацию и традиции. Вплоть до начала Второй Мировой войны казачество продолжало оставаться одной из самых крупных и политически активных групп русского зарубежья.

Сотни тысяч оставшихся в России подверглись физическому уничтожению и выселению. «Расказачивание» и коллективизация, ограничения в военной службе и ношении традиционной одежды выхолащивали казачество как определенную социальную группу с ее моральными нормами, ценностями и образом жизни. Лишь в середине 1930-х гг. положение начало меняться: казакам разрешили традиционную одежду, стали формироваться первые казачьи воинские подразделения [1, с. 140].

Зарубежное казачество пристально следило за событиями, происходившими в 1920–1930-е гг. на Родине. У многих оставались «под Советами» родственники, и поэтому любая весть больно отзывалась в сердцах казаков. Постепенно в эмигрантской казачьей среде сформировались три политических направления. Критерием для их выделения является отношение к проблемам государственного устройства, месту и роли казачьих земель в составе Российского государства [2, с. 39]. Объединяло все три течения одно весомое обстоятельство: все они желали поражения Советской России в будущей войне. В то же время «пораженцы» не были едины ни в тактике, не в стратегии борьбы.

Участники военных эмигрантских объединений, в большинстве своем, верили в освободительную миссию гитлеровского рейха в будущей войне на востоке и готовились с оружием в руках участвовать в этой войне в союзе с Германией. Но не ставили под сомнение вопрос о сохранении целостности и независимости России. Вокруг идеи воссоздания «единой и неделимой» России объединились сторонники П. Н. Врангеля и П. Н. Краснова, Русского Общевоинского союза. Это наиболее правое крыло эмиграции с ярко выраженными монархическими взглядами преобладало в Болгарии, Югославии, частично было представлено во Франции и Германии.

В видении своего будущего в союзе с освобожденной от большевизма «единой и неделимой» Россией русскую военную эмиграцию поддерживала основная масса казаков, группировавшаяся вокруг атаманов Донского, Кубанского, Терского и Астраханского войск за гра-

ницей — генералов М. Н. Граббе, В. Г. Науменко, Г. А. Вдовенко и Н. В. Ляхова. Наибольшее число сторонников этого течения, весьма умеренного по своим политическим взглядам, проживало во Франции.

Несмотря на близость монархистов и умеренных в вопросе о воссоздании Российского государства серьезные разногласия вызывала идея последних о создании казачьей автономии в составе России. Монархисты, в частности, П. Н. Врангель, видели в этом угрозу казачьего сепаратизма

Самым парадоксальным образом развивалось третье течение. Зародившееся как демократическое, антимонархическое, республиканское, оно постепенно трансформировалось в крайне националистическое, сепаратистское. В противовес «единице неделимым» и умеренным «федералистам» выделилась довольно массовая группа абсолютных пораженцев, т. н. «самостийников». Главной целью этой группы было создание собственного казачьего государства — «Казаккии» с границами «от Сана и до океана». Допускалась даже автономия в составе Германской империи. Судьба России как государства самостийников несколько не интересовала. Ими допускалась мысль о расчленении России, частичной или полной потери ею государственного суверенитета. Русский народ, которому, по мнению лидеров «самостийников», присущи имперские амбиции, объявлялся главным врагом казачьей независимости.

Идейным центром казачьего сепаратизма на долгие годы стали Чехословакия, куда еще в начале 1920-х гг. переехало руководство правления «Союза возрождения казачества», и Франция, на территории которой активно работали редакции нескольких казачьих изданий.

Один из лидеров «самостийников» на рубеже 1920–1930-х гг. генерал И. Ф. Быкадоров так сформулировал идеи этого движения: «Только само казачество сможет быть кузнецом своего счастья. Только в самостоятельном государственном бытии (суверенного государства или государств) казачество может осуществлять высшее благо — развитие, духовное и культурное, равноправное сожителство населения своих краев, как самостоятельного государства или государств, а отсюда и воля к тому — первый и главный этап к осуществлению» [3, с. 94].

Идею казачьей государственной независимости отстаивали представители калмыцкой диаспоры в Чехословакии, которые видели будущее своего народа в качестве автономии в составе государства «Казаккии». Калмыцкая национальная организация «Хальмак Тангаин Тук» работала в контакте с «Союзом казаков-националистов». Во Франции издавался калмыцко-казачий журнал «Ковыльные волны». Один из ли-

деров казаков-калмыков Шалма Балинов так сформулировал выбор «самостийников» в грядущем противостоянии с Советами: «Казачи-националисты давно на эти вопросы имеют свой ответ: всегда и при всех случаях быть с теми, кто против Коминтерна, против большевиков, против марксизма, идти единым фронтом с угнетенными народами, в братском союзе с ними добиваться освобождения и возрождения казачества...» [4, с. 3].

Если казаки Дона, Терека, Кубани в эмиграции попали в европейские страны с близкой культурой, то большинство казаков восточных регионов — Сибири и Дальнего Востока — вынуждено было строить свою новую жизнь в чуждой среде. И в бытовом плане, что было первоочередной задачей для подавляющего числа невольных беженцев, и в вопросе выбора политической ориентации. Они испытывали материальные трудности, были опустошены в моральном отношении, чувствовали отчужденность китайского населения, к тому же полностью подчинены местной административной власти и законам страны, которые им были совершенно неизвестны [5, с. 114].

Проблема политической консолидации маньчжурской эмиграции встала еще в конце 1920-х гг. Попытки реализации этой задачи неоднократно предпринимались вплоть до середины 1930-х гг. Частью этого процесса являлось и объединение казачества. В апреле 1933 г. на базе Восточного Казачьего Союза был сформирован Совет Казачьих Войск под председательством генерала Е. Г. Сычева.

Некоторые из эмигрантских организаций входили в состав РОВС, другие держались особняком. Так, например Союз Активных Борцов за Россию (САБЗАР), созданный генерал-лейтенантом А. Г. Шкуро в 1923 г., не был принят в РОВС, поскольку являлся политической организацией.

Расколу и брожению среди казаков, оказавшихся Манчжурии, где хозяйничали японцы, и Китае, находящемся в состоянии конфликта между националистами гоминьдана и коммунистами, немало содействовало разное отношение к событиям, происходящим вокруг [6; 70–75].

Известно, что часть казачьей эмиграции встретила японцев восторженно, с действиями японской стороны она связывала надежды на свержение власти Советов и своего скорейшего возвращения на родину. Эти намерения дальневосточного казачества хорошо прослеживаются в статье «На победном пути» журнала «Казачий клич», издаваемого в годы эмиграции: «Мир возрождается — коммунизм гибнет. Национальные идеалы поднимаются на вершину — Коминтерн катится вниз.

Век бесповоротно утверждается на новых путях. Он обещает народам мир, русским городам и землям — освобождение, Ниппон и России — вечную дружбу и солидарность» [7].

Православная церковь Маньчжурии также приветствовала приход японской армии. Архиепископ Нестор превозносил новое государство за заботливость по отношению к русским эмигрантам, приравненным в правах к маньчжурским подданным. Он с уверенностью утверждал, что «нет сейчас русского ни за рубежом, ни тем более в пределах нашей родной страны, который не осознавал бы, насколько важно было бы сейчас для России, для всего нашего национального дела вооруженное столкновение Советской России с любым достаточно сильным противником». Более того, служитель церкви «с упованием, с трепетом надежды» ждал начала войны Японии с СССР.

Учитывая антисоветские настроения эмиграции, в особенности казачества, японские власти рассчитывали использовать ее для борьбы с СССР. Не уставая повторять, что японская армия пришла в Маньчжурию для наведения порядка и защиты прав японцев, проживающих на ее территории, оккупационные власти подчеркивали свое сочувствие к русским, покинувшим Родину из-за непримиримости к коммунизму. Обещая облегчить условия жизни, японское командование, однако, дало понять, что это не дает повода казачьей эмиграции считать Японию «источником политических благ эмиграции» и ее «открытым пособником и союзником», так как «от идеологических симпатий до практических мер расстояние огромно». Усиливая нажим по мере государственного строительства Маньчжоу-Ди-Го, японское командование проводило в отношении казачьих эмигрантов достаточно жесткую политику. Часть эмигрантов стала активно сотрудничать с японскими властями, причем отношение к ним в эмигрантской среде было, как правило, весьма скептическим. Так, с приходом японцев начала выходить новая ежедневная газета на русском языке «Харбинское время», редактором-издателем которой был японец.

Большинство казаков-эмигрантов старалось держаться нейтрально и избегало тесных контактов с японской администрацией. Японцы учитывали эти различные настроения среди русских. Они допускали казаков на службу в войсках и в учреждениях нового маньчжурского государства, однако держали их там лишь на низших ступенях.

Необходимо отметить, что японское командование прекрасно понимало, в полной мере на казаков-эмигрантов оно рассчитывать не мо-

жет, так как в ее рядах русский патриотизм был на достаточно высоком уровне, а это могло навредить их планируемой войне с Россией. Отсюда складывались два основных логических посыла японской политики по отношению к казачьим эмигрантам — тотальный контроль и жесткая консолидация сверху.

В скором времени подобную позицию по отношению к казачьей эмиграции в европейских странах займет гитлеровская Германия. Политика германских властей сводилась к резкому ограничению деятельности эмиграции, сокращению числа эмигрантских, в том числе казачьих, организаций, взятию их под жесткий контроль Берлина и управления по делам русской эмиграции во главе с В. В. Бискупским как в самой Германии, так и в оккупированных странах Европы [8, с. 65]. Такая позиция нацистского руководства легко объяснима. Гитлеру не нужна была в будущем самостоятельная Россия, даже без коммунистов, и цели белой русской эмиграции ему были совершенно чужды.

В ноябре 1942 г. П. Н. Краснов в своем дневнике привел высказывание немцев о казаках: «Мы предпочитаем и будем сотрудничать только с теми казаками, которые придут к нам на местах, т. е. на Дону, Кубани и на Тереке. Там мы находим и организации, и жертвенную готовность бороться с большевиками, и всячески, отдавая свое последнее, нам помогают уничтожать большевиков. В эмиграции мы не видим ни людей, ни организаций, ни казаков» [9, с. 64].

Большинство казачьих эмигрантских организаций не прислушались к предостережениям генерала А. И. Деникина о недопустимости для русских эмигрантов участия в германском походе на Восток: «Пролетайте вы не «чекистскую», а просто русскую кровь — свою и своих напрасно, не для освобождения России, а для вящего ее закабаления». Понадобились несколько лет кровопролитной войны, завершившиеся ужасом Линенца и казнью казачьих генералов на Лубянке, чтобы подтвердилась правота этих слов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кринко Е. Ф. Русские казаки по обе стороны фронта: окончательные акценты расставила война // 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. Е. В. Торкунова. Т. 4: Другое лицо войны. 2010. 414 с.
2. Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. 608 с.
3. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 94–104.

4. К казакам // Балинов Ш. Русское «оборончество» и казачье «пораженчество». Париж: Ковыльные волны, 1936.
5. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007.
6. Рубанов Е. А. Белая эмиграция в Китае в межвоенный период. Русские наемники на иноземной службе в Манчжурии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке № 4 (20), 2012. С. 70–75.
7. Талызин М. На победном пути // Казачий клич. Октябрь 1938 г. // <http://elan-kazak.ru/?q=arhiv/kazachii-klich-atamanskii-klich-organ-soyuza>
8. Крикунов П. Указ. соч.
9. Там же.

В. А. Шулдяков

ГЕРОЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ ЕСАУЛ Б. В. АННЕНКОВ

Многие из ярких представителей Белого движения были настоящими героями Первой мировой войны. В их числе атаман Партизанской дивизии Российской армии адмирала А. В. Колчака генерал-майор Борис Владимирович Анненков.

Б. В. Анненков (09.III.1889 ст. ст., имение Драбовка Киевской губ. — 24.VIII.1927 н. ст., г. Семипалатинск) был сыном отставного подполковника, из потомственных дворян Новгородской губернии, Владимира Александровича Анненкова (1851–1904), бывшего в отставке членом правления Волынского отделения Крестьянского поземельного банка, и его супруги Евгении Гавриловны, урожденной Рябчич. Будущий атаман окончил Одесский кадетский корпус (1906) и Александровское военное училище (М., 1908). Произведенный в хорунжие (15.VI.1908^{*}, со старшинством с 14.VI.1907) он отправился служить в Туркестан: младшим офицером в 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк [7, л. 24об.; 14, с. 11; 5].

П. Н. Краснов, командовавший в 1911–1913 гг. в Семиречье 1-м Сибирским казачьим Ермака Тимофеева полком, в мемуарах охарактеризовал Анненкова как «во всех отношениях выдающегося офицера»: «Человек, богато одаренный Богом, смелый, решительный, умный, вы-

^{*} Здесь и далее все даты по старому стилю.